

УДК 821.111-31(71)
ББК 84(7Кан)-44
Б68

Elly Blake
FROSTBLOOD

*Печатается с разрешения литературных агентств
New Leaf Literary & Media, Inc
и Andrew Nurnberg.*

Иллюстрация на обложке *Евы Эллер (@eva_eller_art)*
Дизайн обложки *Екатерины Климовой*
Перевод с английского *Елены Бойченко*

Блейк, Элли.

Б68 Ледяная кровь: [роман] / Э. Блейк; пер. с англ.
Е. Бойченко — Москва: Издательство АСТ, 2019. —
384 с. — (Магия ворона).

ISBN 978-5-17-114498-2

Семнадцатилетняя Руби – Огнекровная: она умеет высекать пламя и распространять тепло благодаря магической силе, которой наделена с рождения. Однако в королевстве, где правят Ледокровные, а ее собственный народ жестоко преследуется, девушка вынуждена скрывать свой огненный дар, иначе ей грозит смерть или заточение. К несчастью, происхождение Руби не удастся сохранить в тайне, и это приводит к смерти матери, пытавшейся защитить дочь. Страшное горе заставляет Руби покинуть родную деревню и искать отмщения. Она не желает больше прятаться и клянется сделать все, чтобы свергнуть с престола ненавистного Ледяного Короля.

Пока Руби готовится к осуществлению непростого замысла, она неожиданно обретает верного союзника среди Ледокровных. Таинственный молодой человек становится для нее не только наставником и близким другом... Но есть ли у них общая цель? И смогут ли они поладить? Ведь ни у одной истории любви между Ледокровным и девушкой Огненной крови не было счастливого конца...

УДК 821.111-31(71)
ББК 84(7Кан)-44

Copyright © 2017 by Elly Blake
© Е. Бойченко, перевод на русский язык
© Е. Эллер, иллюстрация на обложке
© ООО «Издательство АСТ», 2019

ISBN 978-5-17-114498-2

*Даррену, Никласу,
Александру и Лукасу,
Люблю вас бесконечно*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Я протянула руку к огню.

Искры из очага взлетели и удобно устроились на пальцах — тепло тянется к теплу. На коже они мерцали, как драгоценные камни. Свободной рукой я придвинула поближе ведро с тающим снегом и опустила на колени, чтобы успеть тут же окунуть руку в воду, если искры вдруг вспыхнут пламенем.

Именно этого мне и хотелось.

Со дня зимнего солнцестояния прошло шесть недель, но моя деревня, высоко в горах, уже была покрыта толстым слоем снега. Бабушка всегда говорила, что холод — это настоящее испытание для дара Огненной крови. Она умерла, так и не успев передать мне истинные знания о силе Огня. А мама заставила меня пообещать, что я никогда не стану пробовать ничего такого.

Вряд ли я смогу сдержать это обещание. Если солдаты короля найдут меня, мне понадобится умение управлять огненным даром.

Я закрыла глаза и направила всю свою энергию в сердце, пытаясь собрать как можно больше тепла

и выплеснуть его вверх и наружу, как учила меня бабушка. Если все сделать правильно, то яркие искры на моей руке вспыхнут язычками пламени.

Ну же, огоньки, где вы?

Меня столько лет учили гасить внутренний огонь, чтобы он не вырвался наружу, прятать его, делать невидимым, что теперь приходится прилагать усилия каждый раз, когда я хочу найти его. Ага, вот он, маленький сверкающий завиток. Я терпеливо уговаривала его, и тоненький упрямец немного подрос, потом еще и еще чуть-чуть.

Достаточно. Я затаила дыхание, боясь рассеять чары. Вдруг в комнату ворвался холодный воздух, и волосы, разметавшись, закрыли мне лицо. Искры на пальцах погасли, а огненный завиток метнулся назад, в сердце. Мама захлопнула дверь и заткнула щель снизу стеганым одеялом, вся ее худощавая фигура под накидкой тряслась от холода.

— Ужас, что там творится. Я продрогла до костей.

Увидев, как она дрожит, я, наконец, отошла от очага.

— Я думала, ты принимаешь роды.

— Рано еще. — Ее зрачки расширились при виде высоких языков пламени и снова сузились.

Я пожалала плечами, возбуждение прошло.

— Было так холодно...

— Руби, ты опять этим занималась. — В ее голосе зазвучала знакомая досада.

— Если хоть один человек увидит, чем ты занимаешься — только *один*, — они сообщат об этом солдатам короля. Лето было дождливым, запасы зерна на исходе, люди пойдут на что угодно, лишь бы выжить, и запросто сдадут тебя за вознаграждение.

— Я знаю. Не надо мне без конца это повторять.

— Тогда зачем ты это делаешь? Посмотри, что происходит, даже когда ты не *пытаешься* использовать свой дар. — Она махнула рукой на кучу полуобгоревшего тряпья. Следы пламени все еще покрывали пол.

Я вспыхнула.

— Прости. Сорвалась на днях. Снова. Но сегодня у меня почти получилось контролировать пламя.

Она осуждающе покачала головой, и я поняла, что нет смысла оправдываться. Обхватив себя руками, я медленно раскачивалась. Наконец, ее обветренные пальцы мягко коснулись пряди моих волос. Она всегда говорила, что мне повезло родиться брюнеткой, а не рыжей, как некоторые Огнекровные. Моя кожа, может, и была чересчур загорелой для ребенка с Севера, но в этой сонной деревне друг друга никто не разглядывал. Здесь ни у кого нет власти — ни власти льда, ни власти огня.

— Я понимаю, что этот дар — часть тебя, — мягко сказала мама. — Но по ночам я лежу без сна и тревожусь. Как мы сможем сохранить твой дар в тайне, если ты все равно хочешь его использовать, даже зная, что он опасен?

Этот вопрос она задавала снова и снова на протяжении последних нескольких месяцев, когда я решила начать практиковаться. И я ответила, как отвечала себе:

— Как я научусь контролировать его, если я им никогда не пользуюсь? И если здесь мы в опасности, почему бы нам не уехать туда, где безопасно?

— Только не это. Ты же понимаешь, что нам ни за что не добраться до границы, а если и доберемся, то окажемся на передовой.

— Побережье...

— Его тщательно охраняют сейчас.

— Нам надо было уехать несколько лет назад, — произнесла я с горечью. — Нам следовало жить в Сюдезии, вместе с нашим народом.

Она отвернулась.

— Ну, что делать — сейчас мы живем здесь, и нет смысла желать невозможного.

Но, увидев, как мало осталось хвороста, она выдохнула:

— Руби, тебе действительно надо было сжечь половину наших запасов дров?

Я сглотнула чувство вины.

— Я больше не буду подкидывать поленья в огонь.

— Мы замерзнем, когда он догорит.

— Я согрею тебя. Ты можешь лечь рядом со мной.

Я похлопала по тьюфяку, который придвинула поближе к очагу так, чтобы на него не попадали летящие искры. Ее взгляд смягчился, улыбка тронула губы.

— Ты лучше любого огня. Ты никогда меня не обжигает, даже если я придвигаюсь слишком близко.

— Вот именно. Дочка с Огненной кровью может быть очень полезна.

Она засмеялась, и у меня на сердце полегчало.

— Мне приятно, честно.

Она притянула меня к себе и крепко обняла, быстро вздохнув и засмеявшись, будто почувствовала силу жара, волнами идущего от меня.

— Мне кажется, что я обнимаю жареного цыпленка. Тебе надо прогуляться и остыть. Может, ты принесешь хвороста, чтобы пополнить наши запасы, которые потратила на опыты.

На улице бушевала метель, снег шипел и таял, падая на островки моей ничем не закрытой кожи. Подвывая, юго-западный ветер сорвал у меня с головы капюшон и взлохматил волосы. Пахло хвоей. Воздух был морозным, но кожа все еще дышала жаром после опытов с огнем. Мама попросила меня набрать хвороста для очага, но еще она хотела, чтобы я слегка успокоилась. Конечно, часть жара лучше было сбросить здесь, чтобы не устроить пожар в хижине.

Я проделывала это и раньше, выскальзывая из дома поздно ночью в пустынный, укрытый снегом лес, руки мои в спешке сооружали костер, потому что мне хотелось управлять пламенем. Но в лучшем случае я поджигала подол своей накидки.

Я собрала небольшую вязанку хвороста и шла, крепко прижимая ее к себе. Лес затаил дыхание, стояла тревожная тишина, и только ветер шумел в верхушках деревьев. Сюда редко кто забредал, но я все равно украдкой оглядывалась вокруг, и стук сердца отзывался в ушах. Закрыв глаза, я призвала себе на помощь маленький завиток пламени, который обнаружила раньше. Хворост нагрелся в моих руках.

Ветер сменил направление и теперь дул с севера, обещая метель с мокрым снегом. Я задрожала и крепче прижала к себе хворост, пытаясь закрыться от холода, который проникал внутрь меня, вытесняя тепло.

Вдруг из чащи леса донесся звук шагов.

Я бросила хворост и вскарабкалась на камень, сметая сугробы снега. На северо-западе тропинка вилась по оврагу, нависающий край которого закрывал ее от снега. Через несколько секунд я, оставаясь в укрытии, смогу увидеть, кто приближается.

Сначала показался капюшон; затем между серыми стволами деревьев под небом стального цвета замелькал металлический шлем. Затем появились мужчины в ярко-голубых туниках, нарушавших ослепительную белизну вокруг.

Тяжелая поступь и громкие голоса солдат взорвали тишину.

К сердцу прихлынула кровь, страх обернулся жаром.

Тысячу раз меня предупреждали о солдатах короля, но я всегда говорила себе, что мы слишком высоко в горах и слишком мало значим, чтобы тратиться на поиск Огнекровных. Я надеялась, что они просто шли мимо, возвращаясь с сурового севера. Но наша хижина стояла прямо у них на пути. Они могли легко забрать запасы еды из нашей кладовой или воспользоваться нашей хижиной для ночлега. Нельзя было рисковать: находясь рядом, они могли почувствовать жар, исходящий от моей кожи.

Я спрыгнула с камня и бросилась в сторону дома, едва дыша, стараясь не шуметь, пробираясь сквозь деревья и кусты и прячась в подлеске и за пригорками.

Когда я добежала до нашей хижины, мама сидела у огня, ее длинные волосы были распущены и свисали на спинку плетеного стула.

— Солдаты. — Я схватила ее тяжелую накидку, все еще сохнувшую у огня, и кинула ей. — В лесу. Если они решат здесь остановиться...

Мама глянула на меня в изумлении и тут же принялась за дело. Она завернула в тряпицу немного сухого сыра и хлеба, затем прошла к выдавшему виды деревянному столу, на котором, в тепле огня, сушились целебные травы. Мы долго собирали их и по-

тому не могли и помыслить о том, чтобы оставить такую ценность здесь. Мы быстро складывали их в клочки ткани, которые завязывали трясущимися пальцами.

Но дверь вдруг широко распахнулась, хлопнув о стену, и травы смело порывом ветра на пол. Из заснеженной тьмы на пороге возникли два силуэта в голубых туниках, украшенных белой стрелой.

— Где Огнекровная? — Взгляд солдата переместился с мамы на меня.

— Мы — целители. — За напускной бравадой матери я услышала тщательно скрываемый страх, и ноги мои стали ватными.

Сделав несколько шагов, один из солдат загнал меня в угол и схватил за руки. Я судорожно сглотнула, почувствовав острый запах застарелого пота и зловонного дыхания. Его холодная рука скользнула к моей шее. Мне хотелось повернуть голову и укубить его за запястье, стукнуть, расцарапать ему лицо, сделать хоть что-нибудь, чтобы он убрал с меня свою руку, но у него был меч, и я стояла не двигаясь.

— Да у нее кожа горит, — сказал он, скривившись в усмешке.

— У нее жар, — ответила мама полным отчаяния голосом.

Вздрогнув, я тяжело вздохнула. *Спрячь свой жар. Погаси его. Успокойся.*

— Не бойтесь заразиться? — спросила я, пытаюсь скрыть дрожь в голосе.

— Твоя болезнь не заразна. — Он подтолкнул меня к выходу, крепко держа за руку. Яростно пытаюсь вырваться, я опрокинула ведро с красными ягодами, которые собирала перед снегом. Они рассыпались